

УДК 39

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.181-195

РОЛЬ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ИЗУЧЕНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

Ф.Ф. Марданова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается роль Казанского университета в изучении духовной культуры татар Поволжья. Уже с момента основания университета одним из приоритетных направлений исследования стало изучение народов Поволжья, в том числе татар. На разных временных этапах при университете существовал ряд кафедр, научных обществ и музеев, занимающихся изучением этнографии народов края. В статье не ставится задача рассмотрения всего спектра тем, связанных с выяснением роли Казанского университета в исследовании этнографии татар. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XX в. до середины 20-х годов. Особое внимание уделяется исследованию научной, издательской и экспедиционной деятельности членов Общества археологии, истории и этнографии по изучению духовной культуры татар Поволжья в исследуемый период. Рассмотрено значение коллекций Этнографического музея, отражающих духовную жизнь татар, в осуществлении образовательной, исследовательской, а также культурно-просветительской деятельности вуза. Изучены основные причины снижения интенсивности этнографических исследований по духовной культуре татар в Казанском университете в 20-е годы XX в.

Ключевые слова: Казанский университет, Общество археологии, истории и этнографии, Этнографический музей, духовная культура татар, этнография

На рубеже XIX – XX вв. в России усилился научный интерес к изучению этнографии и истории народов Поволжья. Казанский университет сыграл значительную роль в этих исследованиях. До середины XIX в. проблемы, относящиеся к этнографии, изучались на разных кафедрах университета. Это было связано с тем, что в то время этнография еще не выделялась в самостоятельную дисциплину. Традиции, быт, обычаи народа связывались со многими аспектами человеческой деятельности и рассматривались в рамках различных научных направлений [1, с. 13–14]. В этот период изучением материальной и духовной культуры народов Поволжья занимались многие ученые университета: Н.А. Фирсов, О.М. Ковалевский, К.Ф. Фукс, А.И. Артемьев, В.А. Сбоев и др. [1, с. 8–13].

В 1878 г. при Императорском Казанском университете было создано Общество археологии, истории и этнографии (далее – Общество), что дало значительный толчок в изучении этнографии местных народов. Список членов Общества насчитывал несколько сотен имен ученых, которые представляли в нем разные области гуманитарного знания. Значительную их часть составляли про-

фессора Казанского университета, многие из которых в разные годы избирались на должность председателя Общества.

Процесс и результаты разносторонней научной деятельности Общества отражались в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» (далее – «Известия»). Обществом было издано более 30 томов «Известий», содержащих уникальный научный материал историко-археологического, этнографического, краеведческого характера. Особое место занимали исследования по духовной и материальной культуре поволжских народов. На страницах «Известий» публиковались описательные обзоры, в которых представлены общие этнографические характеристики местных народов, а также исследования, описывающие основные элементы духовной культуры (религиозные и народные верования, общественные и семейные отношения, обычаи, традиции и т. д.).

Из числа тюркских народов Поволжья объектами изучения преимущественно выступали этнографические группы татар: мишари, тептяри, кряшены. Правда, число публикаций по духовной культуре татар в «Известиях» невелико. С 1900 г. и до начала 20-х годов было опубликовано лишь 5 исследований. Причиной тому являлось отсутствие специалистов в данной области. После перевода в 1855 г. Восточного разряда Казанского университета в Санкт-Петербург традиции востоковедения были прерваны. Некоторые члены Общества по роду своей деятельности освещали в своих трудах отдельные аспекты духовной жизни татар. Среди них особого внимания заслуживают научные исследования татарского ученого Г.Н. Ахмарова, в которых представлены сведения о многих элементах духовной культуры татар, тщательно собранные представителем своего народа.

В 1893 г. Г.Н. Ахмаров был приглашен в Общество в качестве члена-сотрудника, а в 1904 г. избран его действительным членом [2, с. 81]. Ряд этнографических исследований ученого в виде докладов был заслушан на заседаниях Общества и опубликован в «Известиях».

Самым значимым исследованием ученого по духовной культуре татар является статья «Свадебные обряды казанских татар» [3]. В 1907 г. статья была опубликована на страницах «Известий». Однако прежде чем было допущено к изданию данное исследование, оно неоднократно обсуждалось на собраниях Общества.

Первое выступление Г.Н. Ахмарова на общем собрании Общества состоялось 20 апреля 1904 г. Он выступил с докладом о свадебных обрядах татар и способах приобретения невесты. В обсуждении доклада активное участие приняли действительный член Общества, казначей университета А.Т. Соловьев, действительный член Общества, профессор университета Н.Ф. Катанов, почетный член и один из учредителей Общества Н.Ф. Юшков, профессор университета Д.А. Корсаков, член-сотрудник Д.С. Уханов, действительный член Общества, земский врач А.А. Сухарев. Содержание выступлений участников, к сожалению, не было зафиксировано в протоколах. Но есть резюме, в котором указано, что Г.Н. Ахмарову было предложено подготовить новый доклад для более подробного объяснения некоторых положений своего выступления, в том числе оценки научной значимости этнографических трудов К. Фукса. [4, с. 12]. Видимо, в своем докладе Г.Н. Ахмаров подверг резкой критике некоторые положения работы К. Фукса о свадебных обрядах казанских татар.

Руководство Общества придавало обсуждению нового доклада Г.Н. Ахмарова принципиальное значение. 11 мая 1904 г. было принято решение созвать «чрезвычайное собрание». На собрании исследователь сделал доклад, посвященный анализу книги К. Фукса «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях»¹. Оппонентом выступил действительный член Общества, профессор Казанской духовной академии Е.А. Малов. К сожалению, ни доклад Г.Н. Ахмарова, ни возражения его оппонента не были опубликованы. В протоколе собрания указано, что сообщение Г.Н. Ахмарова вызвало обмен мнениями между докладчиком и оппонентом Е.А. Маловым [4, с. 12–15].

Возможно, доводы докладчика оказались достаточно убедительными, было принято решение опубликовать статью Г.Н. Ахмарова «Свадебные обряды казанских татар» на страницах «Известий». Сам факт того, что исследование вызвало оживленную дискуссию между именитыми профессорами, говорит о значимости проделанной работы. Автор сумел критически переосмыслить существующую по данному вопросу литературу, что могло поспособствовать в дальнейшем избежать неточностей при описании устоев мусульманских семей [5, с. 138].

Последние два раздела (XVIII – XIX) работы Г.Н. Ахмарова посвящены специальному анализу книги К. Фукса «Казанские татары...». Автор довольно смело раскритиковал известного ученого, авторитет которого не подвергался сомнению, что вызвало неоднозначную реакцию у членов Общества. Разбирая указанное исследование, Г.Н. Ахмаров отмечает, что описание К. Фукса страдает неполнотой сведений о большинстве обрядов. Ссылаясь на конкретные страницы работы К. Фукса, Г.Н. Ахмаров отмечает ряд ошибок и неточностей в описании свадебных обрядов татар. По мнению Г.Н. Ахмарова, К. Фукс, будучи иноверцем, недостаточно знал язык и быт татар и своим описанием занес в литературу неверные понятия о татарской свадьбе. Обратив на это внимание Г.Н. Ахмаров считал необходимым потому, что во многих изданиях, посвященных татарской свадьбе и изданных после выхода в свет книги К. Фукса, буквально повторялись те же ошибки, что было недопустимо в науке.

Работа Г.Н. Ахмарова представляет особую ценность и для современных этнографов. В ней исследователь дал подробное описание структуры и отдельных элементов свадебных обрядов казанских татар, расселенных в Казанской, Вятской, Симбирской губерниях. Особую ценность представляют материалы, приведенные в примечаниях. Здесь дается очень много сравнений свадебных элементов поволжских народов. На основании сравнительного анализа автор сделал вывод о том, что свадебная обрядность казанских татар имеет единый тюркский пласт, но в то же время содержит обрядовые сюжеты, характерные для финно-угорских народов. Это объяснялось тем, что названные народы с древнейших времен жили в соседстве и оказывали друг на друга взаимное влияние.

Нужно отметить, что были исследованы свадебные обряды не только сельских татар, но и городских, проживавших в Казани. Ссылаясь на вышеупомянутый труд К. Фукса, автор указывает, что свадебные обряды татар, проживающих в самой Казани, не вызывают особого научного интереса, так как пред-

---

¹ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1884. 131 с.

ставляют собой синтез обычаев различных мусульманских народов и не имеют ничего национального [3, с. 33]. Автор изучил основные причины такого наслоения свадебных обрядов. По словам исследователя, Казань издавна являлась рынком приобретения невест для богатых мусульман Азии, поэтому свадебные церемонии устраивались, учитывая обычаи того народа, к которому относился жених.

Статья Г.Н. Ахмарова является первым исследованием на русском языке, посвященным изучению свадебных обрядов казанских татар и написанным представителем самого татарского народа, что стало передовым на тот момент научным шагом.

Значительное место в Обществе уделялось изучению различных этнических групп татар: кряшен, мишарей, тептярей. На одном из общих собраний Общества было принято решение организовать специальную экспедицию с целью исследования языка мишарей [6, с. 449–450]. Учеными Общества было проведено немало исследований в данном направлении (В.А. Казаринов, В.К. Магницкий)². Центральное место в историографии XX в. занимает исследование Г.Н. Ахмарова «О языке и народности мишарей» [7]. Исследователь начал собирать сведения о быте и языке мишарей во время научной командировки в Спасский и Тетюшский уезды Казанской губернии в 1894–1895 гг. Только в 1903 г. Г.Н. Ахмаров смог представить результаты научной работы. Целью исследования являлось определение происхождения мишарей на основе особенностей языка, собственных преданий, традиций и т. п. [7, с. 91]. Большая часть исследования посвящена анализу собранных преданий и исторических сведений о мишарях, их традиционных занятиях, обычаях, одежде, названиях и истории возникновения населенных пунктов. На основе изучения и обобщения собранного материала Г.Н. Ахмаров первым в отечественной историографии высказал предположение о тюркском происхождении мишарей, что было подтверждено этнографическими исследованиями, проведенными во второй половине XX в. (см. [8]). Отметим, что ряд исследователей (В.В. Вельяминов-Зернов, Е.А. Малов и др.) придерживались мнения о финском происхождении мишарей³.

Статья Г.Н. Ахмарова была значимым исследованием в области изучения татарского народа. Отрывки статьи в переводе на татарский язык были опубликованы и в журнале «Яңа юл» [9]. Ознакомившись с содержанием очерка Г.Н. Ахмарова «О языке и народности мишарей», известный ученый Р. Фахретдин написал автору письмо, опубликованное в «Известиях» Общества [10, с. 340]. В этом письме ученый поблагодарил Г.Н. Ахмарова за научное исследование мишарей и высказался за изучение другой этнической группы татар – тептярей.

Во время работы учителем в Сарапульском и Елабужском уездах Вятской губернии Г.Н. Ахмарову приходилось общаться с тептярями [10, с. 340]. 1 мая 1904 г. ученый планировал научную поездку в места компактного проживания мишарей, тептярей и башкир. Однако по неизвестным нам причинам поездка

² Казаринов В.А. О мишарях в Чистопольском уезде Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1885. Т. 4. С. 1–12; Магницкий В.К. Несколько данных о мишарях (мещера, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии. 1896. Т. 13, вып. 4. С. 245–257.

³ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб. Ч. 1. 1863. 558 с.; Ч. 2. 1864. 498 с.; Ч. 3. 1866. 502 с.; Ч. 4. 1887. 178 с.; Малов Е.А. Сведения о мишарях: этнографический очерк // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии. 1885. Т. 4. С. 13–91.

была перенесена на 26 мая 1906 г. и продолжалась до конца июля 1906 г. Во время поездки ученый также планировал изучить архивный материал Магометанского духовного собрания в г. Уфе [5, с. 160].

Научной литературы для изучения происхождения тептярей было мало, поэтому Г.Н. Ахмарову пришлось опираться на собственные наблюдения. Он провел историко-сравнительный анализ элементов культуры тептярей и других групп татар и соседних народов. Были исследованы обычаи, праздничная культура, быт, традиционные занятия, проанализирована историческая литература, названия поселений и многое другое.

По вероисповеданию исследователь выделил две основные группы тептярей: «тептяри-мусульмане» (татары) и «тептяри-немусульмане» (черемисы и вотяки). Автор отмечает сходство быта, языка, обычаев тептярей-мусульман с казанскими татарами. Ученый также приводит сведения об особенностях проведения у тептярей праздников Сабан туе и Джиен.

Основываясь на данных исследования, автор идентифицировал тептярей как татар и представил научно оформленную версию происхождения их названия. Стоит отметить, что предложенная Г.Н. Ахмаровым в начале XX в. версия происхождения названия «тептяр» утвердилась в современной исторической науке [11, с. 30].

Таковы основные труды Г.Н. Ахмарова, посвященные изучению этнонима, этногенеза, материальной и духовной культуры различных этнических групп татар. Ученый имел свою оригинальную концепцию исследования. Он заложил новые принципы в изучении истории татар, привлекая источники разного происхождения. Для изучения этнонима и этногенеза татар он обращался к их обычаям, преданиям, верованиям, традициям, быту, языковым особенностям, топонимике. В его исследованиях содержится богатый материал по духовной и материальной культуре казанских татар, тептярей, мишарей. Поэтому исследования ученого представляли и продолжают представлять в настоящее время большой интерес для этнографов и историков.

Обрядовая культура татарского народа, как один из ярких и в то же время консервативных частей его духовной культуры, привлекала внимание многих членов Общества. Наиболее значимыми в изучении духовной культуры татар в начале XX в. являются исследования противомусульманского и противоязыческого миссионера Казанской епархии Я.Д. Коблова. На основе своего профессионального опыта он смог создать достойные труды по этнографии мусульманских народов Среднего Поволжья. В своих работах он уделяет значительное внимание изучению духовной культуры татар, а именно: религиозных верований [12], обрядов и обычаев [13], праздников [14], мифологии [15]. Его исследования были признаны научным сообществом. В 1907 г. Я.Д. Коблов был избран действительным членом Общества [16, с. 14], а с 1910 г. являлся пожизненным действительным членом [17, с. 19]. На страницах «Известий» были опубликованы две его научные статьи, описывающие культурно-религиозную жизнь татар-мусульман.

Исследование «Религиозные обряды и обычаи татар-магометан», опубликованное в «Известиях» в 1908 г., посвящено описанию родильного, свадебного и похоронного обрядов татар-мусульман. Большое внимание уделено описанию религиозных обрядов, а также народных обычаев, которые не имеют религиозного

значения. Я.Д. Коблов отмечал важность изучения и религиозной, и народной обрядности. По мнению автора, описание религиозных обрядов имеет большое значение «для определения религиозного жизнеописания» татар-мусульман, а изложение народных обычаев «для уяснения национальности и характерных особенностей татар» [13, с. 4].

Как отмечает Я.Д. Коблов, у татар-мусульман сохранилось много старинных обычаев, не имеющих исламских корней. Например, у казанских татар сохранился древний обычай похищения невест, который противоречил нормам ислама. После похорон у татар проводились поминальные обеды в третий, седьмой и сороковой дни. Эти архаичные в своих истоках обряды удивительно гармонично сосуществуют с традициями исламской религии.

Я.Д. Коблов был миссионером-исламоведом и рассматривал весь комплекс затрагиваемых вопросов через призму религии. Автор не ставил перед собой задачи исследования значения рассматриваемых обрядов и поэтому смысл проведения некоторых из них остался не раскрытым. Все же указанная работа представляет большой интерес с точки зрения содержательности. Приведенные сведения могут служить хорошей источниковедческой базой для исследователей как религиозных, так и народных верований татар.

Я.Д. Коблов одним из первых после К. Насыри начал изучать мифологию татар. Результаты исследований были представлены в статье «Мифология казанских татар». Он отмечал огромное значение мифологических представлений и народных верований в мировоззрении татар-мусульман. Известно, что в миссионерской литературе существовало мнение о том, что ислам подавляет творческую фантазию народа и заменяет их религиозной традицией. Однако Я.Д. Коблов утверждает, что у казанских татар, как и у многих других народов, сохранились многие древние народные поверья, приметы, гадания [15, с. 2].

Мифологические представления татар Я.Д. Коблов разделил на три основные группы: 1) верования татар в мифические существа, 2) поверья, гадания и ворожба 3) приметы. Описывая богатый пантеон мифических существ, созданный воображением татарского народа, автор рассматривает процесс заимствования мифологических представлений у других народов в результате взаимодействия культур.

Я.Д. Коблов отмечает, что татары, как и другие народы, верили в возможность предсказания судьбы, колдовство и в другие проявления сверхъестественного. Хотя эти представления противоречили нормам шариата, они являлись «важной частью народного мирозерцания, формируя определенную модель религиозного синкретизма» [18, с. 64], который стал неотъемлемой частью духовной культуры татар.

Большая заслуга Я.Д. Коблова – систематизация религиозных и народных верований, доисламских поверий и мифических представлений казанских татар, которые находились на стадии исчезновения и в последующем уже были недоступны для исследователей.

Таким образом, некоторые аспекты духовной культуры татар в той или иной степени были освящены в трудах краеведов-этнографов и миссионеров. Собранные этнографические материалы в виде источника привлекались для изучения этнонима, этногенеза различных этнических групп татар. Миссионеры изучали

особенности духовной жизни татар через призму религиозного значения в целях пропаганды христианства. Следует признать, что проведенные исследования, хотя и носят эпизодический характер, содержат обширный полевой этнографический материал.

С 20-х годов XX в. на страницах «Известий» прекращается публикация исследований по духовной культуре татар. В научном сообществе резкий спад количества исследований в данном направлении связывается с открытием в 1923 г. Научного общества татароведения. Отсутствие в «Известиях» статей, посвященных духовной культуре татар, историк А.В. Зайцев объясняет тем, что после создания Научного общества татароведения Общество археологии, истории и этнографии «для избежания параллелизма» в работе особое внимание начинает уделять изучению других поволжских народов [19, с. 81]. Н.-Б.З. Векслин тоже отмечает некоторое уменьшение количества докладов и статей в «Известиях» и связывает это с тем, что активные члены Общества археологии, истории и этнографии «образовали ядро» в новом Обществе татароведения [20, с. 143].

В 20-е годы в «Известиях» в основном печатались статьи по этнографии народов, живущих за пределами Поволжья [1, с. 38]. Исследования по духовной культуре татар начали публиковаться в печатных органах научных обществ, созданных в начале 20-х годов («Вестник научного Общества татароведения», «Труды общества изучения Татарстана» и др.) Условия публикации научных работ в «Вестнике Научного общества татароведения» были более благоприятными, чем в «Известиях» [20, с. 143].

Видное место в работе Общества занимала экспедиционная деятельность. За время существования Общество провело десятки экспедиций. Несмотря на недостаточное финансирование, в первой половине 20-х годов членами Общества на средства, «добытые ими из различных источников», все же велись некоторые полевые исследования и изыскания [21, с. 107].

Так, с 22 июля по 2 августа 1925 г. членами Общества Н.И. Воробьевым, С.Г. Вахидовым, М.С. Губайдуллиным была организована экспедиция в Мамдышский кантон с целью сбора и фиксации исторических, археологических и этнографических материалов. Во время поездки осуществлялась съемка предметов быта татар и кряшен. Были изучены основные способы ведения полевых работ и сельскохозяйственный инвентарь татар. Сделаны диалектологические и лингвистические записи, а также записан ряд образцов фольклора [23, с. 94].

С 1 по 22 июля 1926 г. под руководством члена Общества Н.И. Воробьева велись этнографические исследования в Закамских кантонах ТАССР, в которых также приняли участие художница Л.М. Поздеева, фотограф Н.П. Засыпкин и заведующий Чистопольским музеем А.К. Булич. Целью поездки были изучение этнографии татар и ознакомление с археологическими памятниками исследуемого кантона и их регистрация. Быт татарского населения Закамья представлял значительный интерес, так как, находясь в стороне от татарских культурных центров, этот район имел ряд самобытных черт, каковых не наблюдалось в северных кантонах ТАССР [24, с. 108]. В Челнинском кантоне экспедиционная группа занималась изучением культуры и быта кряшен. Особое внимание уделялось исследованию старокрещеных татар, так как они развивались без влияния ислама и смогли сохранить многие бытовые особенности,

присущие татарам до русского завоевания. [25, с. 157]. В Чистопольском и Спасском кантонах, наряду с изучением быта татар, исследованы особенности материальной и духовной культуры татар-мишарей.

По результатам экспедиции Н.И. Воробьев опубликовал статью «Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР» (см. [25]). 10 апреля 1927 г. на общем собрании членов Общества археологии, истории и этнографии и Общества татароведения Н.И. Воробьев выступил с докладом, где были изложены основные результаты экспедиции (см. [26]).

Таким образом, Общество внесло заметный вклад в изучение духовной культуры татар Поволжья, который выразился в накоплении и фиксации значительного фактического материала. В научный оборот были введены новые сведения, существенно пополнившие историографию по духовной культуре татарского народа.

С момента основания Казанского университета была развернута широкая экспедиционная деятельность по изучению народов многонационального Поволжья. Из многочисленных поездок в университет привозились этнографические коллекции, служившие особым источником и иллюстративным материалом для дальнейших исследований. Все эти предметы хранились и экспонировались в ряде университетских музеев гуманитарного профиля.

Именно через специальные музейные собрания университеты во многом осуществляли свою образовательную, исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность. Музеи университетов создавались в большей степени как своеобразная материально-техническая база для сопровождения и развития учебного и научного процесса.

В 1913 г. в Казанском университете был образован Этнографический музей, объединивший этнографические фонды музея Отечестваведения, Кабинета географии и музея Общества археологии, истории и этнографии. Коллекции нового Музея в полной мере отражали жизнь и культуру народов России и многих других стран.

Особое место в Этнографическом музее отведено коллекциям, характеризующим материальную и духовную культуру татар. Часть коллекций была передана Этнографическому музею из музея Отечестваведения Казанского университета, некоторые коллекции были собраны членами Общества археологии, истории и этнографии во время этнографических экспедиций, некоторые были пожертвованы общественными деятелями и учеными Казани.

Коллекция Этнографического музея по духовной культуре татарского населения Поволжья в основном состояла из собраний, характеризующих религиозную жизнь. По причине активного влияния ислама на все сферы жизнедеятельности татар естественным является, что предметы исламской культуры сопровождают татар в течение всей их жизни, определяя и духовную, и материальную культуру народа.

Особый интерес представляет собрание татарских печатных шамаилей конца XIX – начала XX в. в количестве 63 единиц хранения. В Казанском университете татарские шамаилы хранились в Этнографическом музее и Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Шамаилы, хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг являются цензорскими вариантами, которые в начале XX в. были направлены для тиражирования в типо-литографию

Императорского Казанского университета. Цензором всех шамаилей был известный тюрколог, профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов.

Собрание татарских шамаилей состоит из 3 коллекций. Первая коллекция из 55 печатных шамаилей была пожертвована в музей в 1914 г. профессором Н.Ф. Катановым. Они были тиражированы в типографиях Казанского университета, И.В. Перова, братьев М. и Ш. Каримовых, М.А. Семенова, В. Еремеева и А. Шашабарина. Некоторые издания представлены в двух экземплярах. Татарские шамаилы из этой коллекции полностью сохранились (ЭМУ, оп. 104, № 1–55).

Вторая коллекция состоит из четырех шамаилей, происхождение которых неизвестно. Они представляют собой таблицы молитвенных заклинаний (дуа), напечатанные на папиросной бумаге. Такие татарские шамаилы носили как обереги в коранницах (ЭМУ, оп. 112, № 1–4).

Третья коллекция состоит из четырех шамаилей. В 20-е годы в Этнографический музей их передал приват-доцент кафедры славянской филологии Казанского университета Н.М. Петровский. Эти шамаилы были тиражированы в типографиях А.М. Кокорева, В. Еремеева и А. Шашабарина, К.А. Тилли (ЭМУ, оп. 193, № 1–4). По причине отсутствия специалистов данное собрание шамаилей не было тщательно исследовано и атрибутировано.

В коллекции музея были представлены предметы культового значения: сосуды для воды, молитвенные коврики, четки. В 1912 г. у антиквара, коллекционера старинных татарских предметов Якуба Ишмеева были приобретены мусульманские четки (ЭМУ, оп. 67, № 8). Еще одним интересным предметом культового значения является сосуд для перевозки и хранения «святой воды» из источника «Зям-зям», привезенный мусульманскими хаджами, который относится ко второй половине XIX в. (ЭМУ, оп. 199, № 1). По мнению мусульман, вода этого источника оказывает лечебное воздействие. Существует поверье, что саван (одежда для усопшего), который обмакнули в «святую воду», избавляет от адского огня. В музее также хранились 2 коранницы квадратной и цилиндрической формы неизвестного происхождения, относящиеся к XIX в. (ЭМУ, оп. 94, № 3–4).

В фондах музея имелось много фотографических снимков обрядов и обычаев, культовых предметов, которые могут дать представление о традиционном аспекте жизни народов. Особого внимания заслуживает фотография второй половины XIX в. из собрания Общества археологии, истории и этнографии, запечатлевшая молящегося татарина [27, с. 40].

В 1916 г. в музей от приват-доцента Н.И. Порфирьева поступила деревянная имитация мечети (минарета) (ЭМУ, оп. 99, № 1). В пояснительной записке дарителя говорится, что этот минарет носился муллою во время русско-турецкой войны 1977–1878 г. для возбуждения духа газавата.

Начиная с 1920 г. фонды музея, в том числе и коллекции по материальной и духовной культуре татар, не пополнялись. Это было связано с тем, что в начале 20-х годов в Казани открылось несколько музеев, в том числе Музей народов Востока и Центральный краеведческий музей. Собранные в ходе многочисленных экспедиций коллекции по быту и культуре поволжских народов были сконцентрированы в них. С 1925 г. при Центральном краеведческом музее начал функционировать Этнографический отдел, который был посвящен культуре и быту татарского народа [1, с. 135].

Несмотря на то что музей перестал пополняться новыми коллекциями, его фонды охотно использовались в учебно-вспомогательной, научно-исследовательской и культурно-просветительской целях. В музее всегда читались специальные курсы лекций по общей этнографии, страноведению, этнографии народов Поволжья; проводились экскурсии, выставки. Так, например, 28 сентября 1919 г. в залах Этнографического музея и Кабинета географии была организована выставка «Культура народов Востока», которая пользовалась большой популярностью и действовала до 1 февраля 1920 г. На выставке была представлена богатейшая коллекция по материальной и духовной культуре болгарского, татарского, персидского, туркестанского, приволжских и дальневосточных народов. Благодаря выставке ученые, студенты вузов и жители Казани смогли ознакомиться с уникальной и богатой коллекцией, которую на протяжении многих лет собирал учитель Казанской гимназии Л.О. Сиклер. На выставке были представлены образцы украшений, одежды, прикладного искусства поволжских народов (5000 экспонатов). [1, с. 134]. Большую часть этого собрания составляла коллекция татарских украшений: головные уборы, нагрудные украшения, металлические коробочки для Корана, шейные украшения, кольца, браслеты и др. Издан иллюстративный путеводитель по выставке, где был опубликован ряд небольших научных статей [28, с. 56].

За 1924 г. в Этнографическом музее было организовано более 30 экскурсий для студентов университета и рабфака, членов профсоюза и военнослужащих [29, с. 234].

Коллекции музея использовались в преподавании ряда этнографических дисциплин как наглядный материал. Начиная с 1928 г. студентам читались лекции по курсу «Этнография СССР», а в 1930 г. наименование дисциплины было изменено на «Этнографию СССР и местного края» [30, с. 61–62]. В 1931 г. в университете была введена новая специальность «краеведение», благодаря чему расширились перспективы использования коллекций музея в образовательных целях, однако в 1933 г. специальность была закрыта [30, с. 62].

Таким образом, можем утверждать, что в исследуемый период в Этнографическом музее проводилась работа по накоплению этнографических коллекций по духовной культуре татарского народа, вследствие чего была сформирована этнографическая коллекция, содержащая интересный пласт информации о роли ислама в развитии духовной культуры татар Поволжья. Как видим, отмеченная коллекция музея использовалась в учебном процессе как наглядный материал при изучении этнографии народов Поволжья, а также при организации и проведении экскурсий и выставок.

С начала 20-х годов изучением этнографии народов края начинают заниматься краеведческие организации, созданные во многих автономных республиках Поволжья. В Татарской республике были открыты в 1922 г. Восточный педагогический институт для подготовки учителей по родному языку и литературе, этнографии и культуре народов края; в 1923 г. Научное общество татароведения, основным направлением которого являлось комплексное изучение татар. В 1920 г. был создан Музей народов Востока, а в 1925 г. в Казани при Центральном краеведческом музее открылся Этнографический отдел, посвященный материальной и духовной культуре татарского народа.

Чтобы не дублировать работу с новыми краеведческими организациями, Общество археологии, истории и этнографии начинает изучать этнографию народов, живущих за пределами Поволжья. В этот период фонды Этнографического музея университета перестают пополняться новыми этнографическими коллекциями, так как собранные во время экспедиции коллекции по быту и культуре поволжских народов начинают поступать в Музей народов Востока. Концентрация научных исследований в новых краеведческих учреждениях привела в 20-е годы к снижению интенсивности этнографических исследований по духовной культуре татар в Казанском университете.

Источники

ЭМУ – Архивный фонд Этнографического музея Казанского университета. Ф. Татары. Оп. 104, № 1–55; Оп. 112, № 1–4; Оп. 193, № 1–4; Оп. 67, № 8; Оп. 199, № 1; Оп. 94, № 3–4; Оп. 99, № 1.

Литература

1. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 218 с.
2. Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1905 г. // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1906. – Т. 22, Вып. 1. – С. 1–86.
3. Ахмаров Г.Н. Свадебные обряды казанских татар // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1907. – Т. 23, Вып. 1. – С. 1–38.
4. Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1904 г. // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1905. – Т. 21, Вып. 2. – С. 1–21.
5. Салахова Э.К. Научно-историческое наследие Г.Н. Ахмарова: 1864–1911 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003. – 196 с.
6. Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1898 г. // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1899. – Т. 15, Вып. 4. – С. 442–482.
7. Ахмаров Г.Н. О языке и народности мишарей // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1903. – Т. 19, Вып. 2. – С. 91–160.
8. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
9. Әхмәров Г. Мишәрләр кемнәр? // Яңа юл. – 1923. – № 5–6. – Б. 26–29.
10. Ахмаров Г. Тептяри и их происхождение // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1908. – Т. 23, Вып. 5. – С. 340–364.
11. Исхаков Д.М. Татары: популярный очерк этнической истории и демографии. – Наб. Челны: КамАЗ, 1993. – 64 с.
12. Коблов Я.Д. Народные представления магометан о рае и аде. – Казань: Центр. тип., 1906. – 33 с.
13. Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1908. – 46 с.
14. Коблов Я.Д. О татарских мусульманских праздниках. – Казань: Центр. тип., 1907. – 42 с.

15. *Коблов Я.Д.* Мифология казанских татар. – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1910. – 49 с.
16. Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1907 г. // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1908. – Т. 23, Вып. 6. – С. 1–79.
17. Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1910 г. // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1911. – Т. 27, Вып. 5. – С. 1–63.
18. *Исхаков Р.Р.* Я.Д. Коблов о культурно-религиозной жизни поволжских мусульман в начале XX века // Изв. Сам. науч. центра РАН. – 2008. – Т. 10, № 1. – С. 60–64.
19. *Зайцев А.В.* Исторические учреждения Республики Татарстан в 20–30-е годы XX века. – Казань: ГранДан, 1998. – 122 с.
20. *Векслин Н.-Б.З.* Изучение Татарстана за 10 лет (1920-1930) // Очерки по изучению местного края. – Казань: Татполиграф, 1930. – С. 99–186. (Труды Дома татарской культуры. Т. 1).
21. Отчет Общества археологии, истории и этнографии с 31.03.1924 по 01.04.1927 // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1927. – Т. 33, Вып. 4. – С. 105–112.
22. *Марданова Ф.Ф.* Экспедиционная деятельность Научного общества татароведения // Традиционная культура народов Поволжья: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Казань: Ихлас, 2018. – С. 232–244.
23. Историко-этнографическая поездка в Мамадышский кантон ТССР // Вестн. Науч. о-ва татароведения. – 1926. – № 4. – С. 93–94.
24. Этнографические исследования в Закамских кантонах ТССР летом 1926 года // Вестн. Науч. о-ва татароведения. – 1927. – № 6. – С. 108–110.
25. *Воробьев Н.И.* Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР // Вестн. Науч. о-ва татароведения. – 1927. – № 7. – С. 157–172.
26. *Воробьев Н.И.* Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестн. Науч. о-ва татароведения. – 1928. – № 8. – С. 100–111.
27. *Гуцина Е.Г., Масалова О.А.* Многообразие исламского мира в коллекциях Этнографического музея Казанского государственного университета // Наследие ислама в музеях России: Пространственные границы и образы: Материалы науч.-практ. конф. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – С. 19–21.
28. *Гуцина Е.Г.* Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. – Казань: Отечество, 2013. – 107 с.
29. *Сидорова Б.И.* Музеи Казанского университета на заре советской эпохи (1917–1929 гг.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 3. – С. 227–239.
30. *Сидорова И.Б.* Этнографический музей Казанского университета в 1930-е годы // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 4. – С. 61–66.

Поступила в редакцию
26.02.2020

Марданова Филуза Фаннуровна, аспирант кафедры исторического и обществоведческого образования

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: filuzmardanova@yandex.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 3, pp. 181–195

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.181-195

The Role of Kazan University in the Study of the Spiritual Culture of the Volga Tatars

F.F. Mardanova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: filuzmardanova@yandex.ru

Received February 26, 2020

Abstract

The role of Kazan University in the study of the spiritual culture of the Volga Tatars in 1900–1920 was analyzed. Since the foundation of Kazan University, the peoples of the Volga region, including the Tatars, have been of particular research interest. Kazan University has had a number of departments, scientific societies, and museums dedicated to their ethnography.

Notably, this paper does not address the full role of Kazan University in the study of the Tatar ethnography. The chronological framework of the study covers the period from the early 20th century up to the middle of the 1920s. Special attention was paid to the research of scientific, publishing, and expedition activities of members of the Society of Archeology, History, and Ethnography, who investigated the spiritual culture of the Volga Tatars during the period under study. The importance of the collections of the Ethnographic Museum in casting light on the spiritual life of the Tatars, as well as of the teaching, research, educational and cultural activities of Kazan University were considered. The main reasons for the decline in the intensity of ethnographic research on the spiritual culture of the Tatars at Kazan University in the 1920s were discussed.

Keywords: Kazan University, Society of Archaeology, History, and Ethnography, Ethnographic Museum, spiritual culture of Tatars, ethnography

References

1. Busygin E. P., Zorin N.V. *Etnografiya v Kazanskom universitete* [Ethnography at Kazan University]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2002. 218 p. (In Russian)
2. Minutes of general meetings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography in 1905. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istoriii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1906, vol. 22, no. 1, pp. 1–86. (In Russian)
3. Akhmarov G.N. Wedding rites of the Kazan Tatars. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istoriii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1907, vol. 23, no. 1, pp. 1–38. (In Russian)
4. Minutes of general meetings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography in 1904. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istoriii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1905, vol. 21, no. 2, pp. 1–21. (In Russian)
5. Salakhova E.K. The legacy of G.N. Akhmarov as a researcher and historian: 1864–1911. *Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2003. 196 p. (In Russian)
6. Minutes of general meetings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography in 1898. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istoriii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1899, vol. 15, no. 4, pp. 442–482. (In Russian)
7. Akhmarov G.N. About the Mishar language and people. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istoriii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1903, vol. 19, no. 2, pp. 91–160. (In Russian)
8. Mukhamedova R.G. *Tatary-mishari. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Mishar Tatars: Historical and Ethnographic Research]. Moscow, Nauka, 1972. 248 p. (In Russian)
9. Akhmarov G. Who are the Mishar Tatars? *Yana Yul*, 1923, nos. 5–6, pp. 26–29. (In Tatar)

10. Akhmarov G. Teptyars and their origins. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1908, vol. 23, no. 5, pp. 340–364. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. *Tatary: populyarnyi ocherk etnicheskoi istorii i demografii* [Tatars: A Popular Essay on Ethnic History and Demography]. Naberezhnye Chelny, KamAZ, 1993. 64 p. (In Russian)
12. Koblov Ya.D. *Narodnye predstavleniya magometan o rae i ade* [The Views of the Muhammadans on Heaven and Hell]. Kazan, Tsentr. Tip., 1906. 33 p. (In Russian)
13. Koblov Ya.D. *Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. (Pri narechenii imeni novorozhden-nomu, svadebnye obryady i pokhorony)* [Religious Rites and Customs of the Tatar Muhammedans. (When Naming a newborn, Wedding Ceremonies, and Funerals)]. Kazan, Tip.-Lit. Imp. Univ., 1908. 46 p. (In Russian)
14. Koblov Ya.D. *O tatarskikh musul'manskikh prazdnikakh* [About Tatar Muslim Holidays]. Kazan, Tsentr. Tip., 1907. 42 p. (In Russian)
15. Koblov Ya.D. *Mifologiya kazanskikh tatar* [Mythology of Kazan Tatars]. Kazan, Tip.-Lit. Imp. Univ., 1910. 49 p. (In Russian)
16. Minutes of general meetings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography in 1907. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1908, vol. 23, no. 6, pp. 1–79. (In Russian)
17. Minutes of general meetings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography in 1910. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1911, vol. 27, no. 5, pp. 1–63. (In Russian)
18. Iskhakov R.R. Ya.D. Koblov on the cultural and religious life of the Volga Muslims in the early 20th century. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk*, 2008, vol. 10, no. 1, pp. 60–64. (In Russian)
19. Zaitsev A.V. *Istoricheskie uchrezhdeniya Respubliki Tatarstan v 20–30-e gody XX veka* [Historical Institutions of the Republic of Tatarstan in the 1920s–1930s]. Kazan, GranDan, 1998. 122 p. (In Russian)
20. Vekslin N.-B.Z. Studying Tatarstan for 10 years (1920–1930). In: *Ocherki po izucheniyu mestnogo kraya* [Essays on the Study of the Local Region]. Kazan, Tatpoligraf, 1930, pp. 99–186. Transactions of the Tatar Community Center. Vol. 1. (In Russian)
21. Report of the Society of Archaeology, History, and Ethnography for the period from March 31, 1924 to April 1, 1927. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1927, vol. 33, no. 4, pp. 105–112. (In Russian)
22. Mardanova F.F. Expedition activity of the Scientific Society of Tatar Studies. *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya: Materialy IV Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Traditional Culture of the Volga Region Peoples: Proc. IV All-Russ. Sci.-Pract. Conf. Int. Participation]. Kazan, Ikhlas, 2018, pp. 232–244. (In Russian)
23. Historical and ethnographic trip to the Mamadysh Canton of the TASSR. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya*, 1926, no. 4, pp. 93–94. (In Russian)
24. Ethnographic research in the Zakamsky cantons of the TASSR during the summer of 1926. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya*, 1927, no. 6, pp. 108–110. (In Russian)
25. Vorob'ev N.I. Some data on the life of the baptized Tatars (Kryashens) of the Chelny Canton of the TASSR. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya*, 1927, no. 7, pp. 157–172. (In Russian)
26. Vorob'ev N.I. Report on an ethnographic trip to the Sviyazhsk and Tetyushy Cantons of the TASSR in the summer of 1927. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya*, 1928, no. 8, pp. 100–111. (In Russian)
27. Gushchina E.G., Masalova O.A. Diversity of the Islamic world in the collections of the Ethnographic Museum of Kazan state University. *Nasledie islama v muzeyakh Rossii: Prostranstvennye granitsy i obrazy: Materialy nauch.-prakt. konf. 1–12 dekabrya* [The Legacy of Islam in Russian Museums: Spatial Boundaries and Images: Proc. Sci. Pract. Conf. Dec. 1–12]. Kazan, RITs “Shkola”, 2009, pp. 19–21. (In Russian)
28. Gushchina E.G. *Etnograficheskii muzei Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i osnovnyye etapy razvitiya* [Ethnographic Museum of Kazan University: History of Formation and Main Stages of Development]. Kazan, Otechestvo, 2013. 107 p. (In Russian)

-
29. Sidorova B.I. Museums of Kazan University at the dawn of the Soviet era (1917–1929). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2012, vol. 154, no. 3, pp. 227–239. (In Russian)
  30. Sidorova I. B. Ethnographic Museum of Kazan University in the 1930s. *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, 2012, no. 4, pp. 61–66. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Марданова Ф.Ф. Роль Казанского университета в изучении духовной культуры татар Поволжья // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 181–195. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.181-195. ⟩

⟨ **For citation:** Mardanova F.F. The role of Kazan University in the study of the spiritual culture of the Volga Tatars. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 181–195. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.181-195. (In Russian) ⟩